
ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАНЦАМ

Е.В. Штырина

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются особенности изучения национально-культурной специфики художественного текста в преподавании русского языка иностранцам.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, художественный текст, русский язык как иностранный.

Филологический анализ художественного текста в преподавании русского языка иностранцам является одним из важнейших, эффективнейших средств изучения языка. Ю.М. Лотман называет художественную литературу наряду с другими видами искусства «самым экономным и компактным способом хранения и передачи информации». Художественный текст — это одна из форм существования культуры, за текстом стоит автор, его индивидуальный способ познания жизни, его поэтический мир, которым он делится с читателем. Наличие эстетической функции языка является отличительной чертой стиля художественного произведения в сравнении с любым речевым стилем, где подобная функция не является обязательной либо имеет иное назначение. Художественный текст не только передает информацию, прежде всего он эмоционально, эстетически воздействует на читателя, создает художественные образы, ассоциации. «Художественное произведение несет на себе отпечаток мировоззрения, поэтического видения действительности, языка, стиля своего творца» [6. С. 12].

Художественный текст отражает языковую картину мира через совокупность всего многообразия языковых средств. Любой художественный текст является национально-специфичным, так как в языке произведения отражаются особенности культуры и истории народа, к которому принадлежит автор, что может проявляться «в названиях городов, местности, животных, растений, блюд, одежды... в именах собственных, фамилиях, прозвищах и др. Точное воспроизведение на другом языке бытовых черт, уклада жизни, трудовой обстановки, пейзажа данной страны, народных обычаев... и других деталей — одно из основных условий передачи национального колорита» [10. С. 25]. Художественный текст выступает здесь в качестве инструмента межкультурного общения.

Д.О. Добровольский считает, что существует два подхода к пониманию такого явления, как национально-культурная специфика. Первый подход называется сравнительным, «когда национально-культурная специфика некоторого явления данного языка определяется относительно некоторого другого языка» [4. С. 40]. Второй подход — интроспективный, когда носители языка выявляют национально-марки-

рованные языковые средства вне сопоставления с другими языками, т.е. языку присущ определенный национально-культурный компонент независимо от других лингвокультур.

Национальная специфика может быть выражена двумя способами: 1) присутствуют некие реалии, присущие жизненному укладу только данного народа (при переводе подобных явлений обычно используют описательный перевод или дают переводческий комментарий); 2) слова, обозначающие одинаковые реалии, используются в разных языках в различных контекстах. Мы придерживаемся сравнительного подхода и рассматриваем национально-культурную специфику именно на фоне отсутствия данных понятий у представителей других культур. Чем больше различий в культуре, укладе, природной среде каких-либо народов, тем больше в их национальных языках пластов лексики, которые можно охарактеризовать как национально-специфические реалии.

Взаимоотношение языка и культуры является одной из ключевых лингвистических тем. Начиная с XIX в. многие ученые, среди которых Я. Гримм, В. Гумбольдт, А.А. Потебня, занимались проблемой взаимодействия языка и культуры. В. Гумбольдт писал, что «в языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» [3]. Изучение иностранного языка невозможно в отрыве от культуры страны изучаемого языка. В языке зашифрованы культурные коды нации, зафиксирован ее исторический опыт. Л.В. Щерба утверждал: «Каждый язык отражает культуру того народа, который на нем говорит» [11. С. 56]. Художественная литература также помогает полнее, объемнее понять тот или иной исторический период в жизни страны, то или иное историческое событие, а также характер народа. Ю.А. Сорокин пишет, что этнос существует и в форме лингвистических и культурологических «привычек» людей, входящих в него. «Совокупность этих „привычек“, их спецификация и характер, их взаимосвязанность и взаимозависимость составляют тот слой этнического бытия, который рассматривается носителями языка — осознанно или неосознанно — как их неотъемлемое свойство, позволяющее смотреть на самих себя как на лингвокультурную общность» [7].

В восприятии носителей языка текст представляет собой «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, определенные ассоциации» [5. С. 87]. У русского читателя и иностранного читателя, как представителей различных лингвокультур, тезаурус и объем фоновых знаний различен, их культурные и языковые картины мира не совпадают. Иностранец воспринимает чужую культуру, представленную художественным текстом, через призму своей родной культуры, следовательно, не видит аутентичную культуру или воспринимает ее неверно. «Системные (знаковые) качества культурных предметов конкретной национальной культуры... открыты только носителю этой культуры, обладающему знанием культурных и социальных систем, в рамках которых они функционируют и интерпретируются» [8. С. 33—34.] Следовательно, преподавателю русского языка как иностранного необходимо так изучать со студентами национально-культурную специфику

художественного текста, чтобы иностранные читатели также могли «распредметить» национальные словесные образы, выраженные языковыми средствами, раскрыть их национально-культурную семантику, понять их эмоционально-экспрессивную коннотацию, а также раскодировать национальную картину мира, понять особенности национального мировосприятия и реалии времени, в которое данный текст написан (что является необходимым условием изучения языка). Художественный текст выступает здесь в качестве инструмента межкультурного общения.

Изучением национально-культурной семантики языка на материале текстов художественных произведений занимались многие ученые: Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Молчановский, В.М. Шаклеин, А.С. Мамонтов, Н.С. Доценко, Ю.Е. Прохоров и др. Национальный язык выступает как специфичный для определенной культуры способ словесного оформления и осмысления мира [1; 9]. Л.В. Щерба писал о том, что «действительность в разных языках представлена по-разному: каждое новое слово заставляет нас вдумываться в то, что кроется за ним и за соответственным русским словом, заставляет вдумываться в самое существо человеческой мысли» [11. С. 45].

Национально-маркированные языковые единицы существуют на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Однако большая часть национально-культурной информации передается через лексические единицы: безэквивалентную лексику, коннотативную лексику, реалии флоры и фауны, номинации артефактов культуры, бытовые реалии, этнографические, ономастические (топонимы и антропонимы), ассоциативные реалии, сравнения и метафоры, фразеологические единицы, афоризмы и т.д.

Содержание произведения, проблематика, система образов также непременно являются носителями важного культурологического знания, способствуют раскрытию и адекватному восприятию дополнительной национально-культурной семантики языковых единиц.

В качестве примера возьмем небольшой отрывок из повести Е. Гришковца «Реки». Мы взяли современный художественный текст, поскольку он отражает современную русскую разговорную речь, не содержит устаревшей лексики, а также знакомит иностранцев с современной русской литературой, мотивирует их для изучения языка. Евгений Гришковец — один из наиболее популярных писателей настоящего времени. Проза Гришковца, на наш взгляд, прекрасный выбор для чтения и анализа как на среднем, так и на продвинутом этапах обучения русскому языку по ряду причин. Его повести и рассказы полны живой современной разговорной речи с ее спонтанными реакциями, повторами, паузами. У него нет чрезмерно длинных фраз или сложных культурных аллюзий, зато есть искренность и задушевность интонации, взволнованность и одновременно теплота повествования.

В повести «Реки» повествование ведется от первого лица, герой размышляет о своей жизни, вспоминает сибирский город, в котором вырос и из которого уехал. Герой делится с читателем как с близким другом личными воспоминаниями о далеком детстве, размышляет «на ходу» о чувстве родины, о стране, о жизни в целом.

Сибирь для него — это огромные расстояния, это детство, это целый клубок различных и зачастую противоречивых чувств и эмоций, сплетенных вместе и возникающих при мысли о родных местах. У читателя создается ощущение личного, интимного разговора с героем.

У героя повести нет имени и биографических данных, а у города нет названия, и это дает возможность читателю как будто «вписать» в эту историю свой жизненный опыт, свою историю. Но для того, чтобы проникнуться духом и очарованием этой повести, необходимо правильно раскодировать, распределить национальные словесные образы, раскрыть их национально-культурную семантику.

В качестве примера приведем отрывок из повести «Реки»:

Мне интересно, как могли мои южные приятели представить себе морозный январский сибирский день. Уж точно не так, как это выглядело и было на самом деле. Они не могли представить себе темное утро с морозной дымкой, висящей даже не в воздухе, а как будто притупляющей зрение. Люди идут ссутулившись, и на поднятых воротниках и опущенных ушах шапок иней. Деревья все белые от тонкого искристого налета, они неподвижны и, кажется, звенят от своей промерзлой хрупкости. Из скрипа снега под ногами как бы убрали низкие частоты, и он превратился в тихий визг. На автобусной остановке люди переминаются и дышат сквозь шарфы и рукавицы, газетный киоск весь побелел и светится просто, как кусок льда. Машины едут мимо, оставляя облака дыма и пара, и эти облака тут же превращаются в морозную дымку, которая притупляет зрение.

Но несмотря на все звуки и скрипы города, все равно ощущается тишина. Та тишина, которая должна царить в такой мороз. Тишина, которая там, в полях и лесах, там, за городской чертой. Там, где непонятно как выживают в перелесках редкие зайцы и какие-то странные птицы, которые почему-то не улетают в теплые края. Там, где сквозь низкую морозную дымку пробивается самолет, подлетающий к городу. И этот самолет почти не чувствует разницы между холодом десятитысячной высоты и тем морозом, который опустился на мой город. Такая тишина, в которой кажется, что можно услышать, как растет и растет, как утолщается лед на реке.

Эта тишина заполняет собой все пространство между звуками и быстро гасит любой звук. Эту тишину слышно даже в замерзшем вагоне трамвая, который стучит и лязгает. Трамвай бежит по холодным, как Северный полюс, рельсам, внутри теплее стоять, чем сидеть. Окна вагона покрылись толстым матовым льдом, на этом льду видны следы, которые процарапали, продышали те, кто ехали в этом трамвае раньше. Кто-то оставил на окнах следы, похожие на следы голых детских пяток. Такой след получается, если ребро ладони приложить к замерзшему окну, сжать ее в кулак и ждать, когда в толстом инее протает след. А потом к тому, что получилось, нужно добавить следы пальцев. Получается очень похоже на отпечаток детской ноги. След, который меньше всего сочетается с лютым холодом.

Так вот: стучит трамвай, гремит и лязгает, но между всеми этими постоянными звуками все равно слышна тишина. Это холод. Холод.

Как же страшно выходить в такой мороз. Пугает сама цифра. Пугает показание термометра. Или когда слышишь по радио, что температура воздуха -42°C , это пугает само по себе. Выходя в такой мороз, страшно сделать первый шаг, первый вдох. Но вот ты шагнул, потом вдохнул — и ничего страшного, ничего особенного. Не холодно. Совсем!

В данном отрывке Гришковец передает атмосферу морозного январского дня в сибирском городе с помощью различных языковых средств, которые необходимо разъяснить иностранцу с помощью лингвострановедческого комментария. Читатель-инофон встречает ряд национально-специфических реалий: *на поднятых воротниках* (русские поднимают воротник зимней одежды в холодную погоду), *и опущенных ушах шапок* (русские шапки-ушанки), *скрип снега под ногами* (в морозную погоду снег под ногами скрипит). Встречаются разговорные синтаксические конструкции, добавляющие эмоциональности и придающие письменному тексту разговорный стиль: *Уж точно не так... Так вот: стучит трамвай, гремит и лязгает... Как же страшно выходить в такой мороз...* Особое внимание стоит уделить безэквивалентной и коннотативной лексике и бытовым реалиям, а также лексике со специфической сочетаемостью: *ссутулившись* (сильно согнувшись), *деревья... звенят от своей промерзлой хрупкости* (настолько сильный мороз, что деревья застывают), *переминаются* (переступать с ноги на ногу) и *дышат сквозь шарфы и рукавицы* (во время сильного мороза безопаснее прикрывать рот во время дыхания), *газетный киоск* (специфическая русская бытовая реалья) *весь побелел* (покрылся снегом), *процарапали, продышали* (когда окно замерзает, через него ничего не видно, и нужно буквально дышать на окно или царапать по нему, чтобы что-то через него рассмотреть). Также здесь присутствуют специфические реалии флоры — *перелесок* (небольшой лесной участок), *дымка* (легкая, застилающая что-либо пелена).

Как и в любом художественном тексте, здесь много национально-специфичных сравнений и метафор, описывающих морозный день: *темное утро с морозной дымкой, висящей даже не в воздухе, а как будто притупляющей зрение; тишина, которая должна царить; деревья все белые от тонкого искристого налета; толстым матовым льдом; светится просто, как кусок льда; толстый иней; промерзлая хрупкость; низкая морозная дымка.*

Обилие повторов в тексте нагнетает атмосферу морозной строгой сибирской зимы:

«тишина»: *Но несмотря на все звуки и скрипы города, все равно ощущается тишина. Та тишина, которая должна царить в такой мороз. Тишина, которая там, в полях и лесах, там, за городской чертой.*

«там»: *Тишина, которая там, в полях и лесах, там, за городской чертой. Там, где непонятно как выживают в перелесках редкие зайцы и какие-то странные птицы, которые почему-то не улетают в теплые края. Там, где сквозь низкую морозную дымку пробивается самолет, подлетающий к городу.*

«холод»: *Это холод. Холод.*

«пугает»: *Пугает сама цифра. Пугает показание термометра. Или когда слышишь по радио, что температура воздуха -42°C , это пугает само по себе.*

И завершает отрывок разговорное наречие, выражающее усиление значения, — *совсем*.

На рассмотренном отрывке из произведения Гришковца мы показали важность и необходимость изучения национально-культурной специфики художественного текста в преподавании русского языка иностранцам.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — 423 с. [*Baxtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. — М.: Iskusstvo, 1986. — 423 s.]
- [2] *Гришковец Е.* Реки. — М.: Махаон, 2007. — 192 с. [*Grishkovec E.* Reki. — М.: Махаон, 2007. — 192 s.]
- [3] *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. — М.: Прогресс, 1985. [*Gumboldt V.* Yazyk i filosofiya kultury. — М.: Progress, 1985.]
- [4] *Добровольский Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии // *Вопр. языкознания*. — 1997. — № 6. — С. 37—58. [*Dobrovolskij D.O.* Nacionalno-kulturnaya specifiika vo frazeologii // *Vopr. yazykozvaniya*. — 1997. — № 6. — S. 37—58.]
- [5] *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие. — М.: Академия, 2001. [*Maslova V.A.* Lingvokulturologiya: Ucheb. posobie. — М.: Akademiya, 2001.]
- [6] *Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ. — М.: Русский язык, 1988. [*Novikov L.A.* Xudozhestvennyj tekst i ego analiz. — М.: Russkij yazyk, 1988.]
- [7] *Сорокин Ю.А., Михалева И.М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. — М., 1993. — С. 98—117. [*Sorokin Yu.A., Mixaleva I.M.* Precedentnyj tekst kak sposob fiksacii yazykovogo soznaniya // *Yazyk i soznanie: paradoksalnaya racionalnost*. — М., 1993. — S. 98—117.]
- [8] *Тарасов Е.Ф.* К построению теории межкультурного общения // *Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева*. — М.: ИЯ РАН, 1998. — С. 30—34. [*Tarasov E.F.* K postroeniyu teorii mezhkulturnogo obshheniya // *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie: Sb. statej / Отв. red. N.V. Ufimceva* — М.: IYa RAN, 1998. — S. 30—34.]
- [9] *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык / Сост. В.М. Живова; Общ. ред. В.М. Живова. — М.: Прогресс, 1995. — 800 с. [*Trubeckoj N.S.* Istoriya. Kultura. Yazyk / Sost. V.M. Zhivova; Obshh. red. V.M. Zhivova. — М.: Progress, 1995. — 800 s.]
- [10] *Файзуллаева Р.* Национальный колорит и художественный перевод. — Ташкент: Фан УзССР, 1979. — 112 с. [*Fajzullaeva R.* Nacionalnyj kolorit i xudozhestvennyj perevod. — Tashkent: Fan UzSSR, 1979. — 112 s.]
- [11] *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. [*Shherba L.V.* Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost. — L.: Nauka, 1974.]

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF THE ARTISTIC TEXT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

E.V. Shtirina

The Chair of Russian as a Foreign Language
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/1, Moscow, Russia

The article deals with the features of the study of national-cultural specifics of the artistic text in teaching Russian as a foreign language.

Key words: national and cultural identity, artistic text, Russian as a foreign language.